

РОССИЙСКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ

*В.А. КОЗЛОВ***Социум в неволе: конфликтная
самоорганизация лагерного сообщества
и кризис управления ГУЛАГом
(конец 1920-х – начало 1950-х гг.)****Статья 2*****"Паразитическое перенаселение" и борьба за ресурсы выживания (1945–1947 гг.)**

Окончание войны на короткое время стабилизировало отношения в гулаговском социуме [ГА РФ¹, д. 2413, л. 174–184]. Однако победа расколола население ГУЛАГа на тех, кто мог надеяться на амнистию, и "безнадежных" – политических и особо опасных уголовников-рецидивистов. Среди последних были зафиксированы случаи открытых антисоветских выступлений и высказываний, усиление саботажа на производстве, агитации за организованный невыход на работу, невыполнение норм выработки и т.п. Амнистия имела следствием потерю агентуры из бытовиков, что затрудняло отслеживание подготовки преступлений [ГА РФ¹, д. 5, л. 144].

После амнистии "безнадежные" поняли, что на снисхождение рассчитывать нечего, а значит, надо приспосабливаться к жизни в неволе, уклоняться от убивающего физического труда, захватывать ключевые позиции в низовом лагерном аппарате. Верхушка уголовного мира давно следовала этой модели и эффективно ее использовала. Но доля "положительного", то есть работающего, контингента начала сокращаться еще в годы войны (почти миллион заключенных был передан в Красную армию), а тех, кто их грабил и обворовывал, становилось все больше. Возник своеобразный дефицит "ресурсов выживания" для преступных группировок в зоне. Окончание войны и амнистия лишь усугубили ситуацию.

Эффективного полицейского решения этой проблемы найти так и не удалось. Тогда криминальная элита ГУЛАГа избрала путь стихийной саморегуляции – стала добиваться уменьшения численности "паразитов" (физического или статусного). В итоге возрос и осложнился конфликт между различными группировками воровской "элиты". Враждующие группировки ("отошедшие" и "законники"), следуя инстинкту самосохранения, начали упорно добиваться от лагерной администрации признания их не-

* Работа выполнена при поддержке Фонда Гарри Фрэнка Гугенхайма (Harry Frank Guggenheim Foundation). Статью 1 см. "Общественные науки и современность". 2004. № 5.

Козлов Владимир Александрович – кандидат исторических наук, заместитель директора Государственного архива РФ (ГА РФ).

официального статуса и режима раздельного содержания в лагерных пунктах. Так они закрепляли раздел сфер влияния и добивались от лагерной администрации своего рода "ярлыка" на власть. В свою очередь вершиной режимно-оперативной мысли стала тактика "разведения" враждующих группировок по различным подразделениям, то есть признание их *de facto* и молчаливое согласие на выделение "вотчин" для уголовных.

Борьба за ресурсы между криминальными группировками и начавшийся передел власти в лагерях усилили "паразитическое давление" на остальных заключенных. В апреле 1946 г. была зафиксирована повышенная активность организованных уголовников-рецидивистов в лагерных зонах. Эта чисто криминальная активность заключалась в "зверских убийствах заключенных, грабежах и терроризировании лагерного населения" [ГА РФ¹, д. 7, л. 66]. Заботой оперативных работников в этих условиях было не разложение или ликвидация уголовных группировок (как дело совершенно безнадежное), а их своевременное "расселение". Правда, характерное для ГУЛАГа в 1945–1947 гг. "паразитическое перенаселение" делало последовательную реализацию данного принципа трудновыполнимым. Это и начало раскручивать маховик *безжалостной войны "воров" и "сук"*. Изменение социальной структуры ГУЛАГа после массовых посадок по указам 1947 г. об усилении борьбы с хищениями общественной и личной собственности (расширявшее поле действий "хозяев" зоны) уже не могло остановить инерцию непримиримой борьбы за ресурсы.

Постоянное втягивание, часто под угрозой смерти, в "разборки" криминальных авторитетов поставили политических заключенных, особенно их новые пополнения, перед критическим выбором. Для них, как и для других "безнадежных", консолидация и сплочение в борьбе за скудные жизненные ресурсы и власть над зоной стали единственным возможным выходом из ситуации. Политические начинали эту борьбу из заведомо невыгодной позиции, ибо не имели того полулегального статуса, которым гулаговская практика наделила верхушку воровского мира. Зато они могли использовать привычные формы подполья и повстанческой самоорганизации, опереться на враждебные советскому режиму идеологические ценности как на инструмент групповой мобилизации. Отдельные группы дополнили не всегда эффективный в лагерных условиях повстанческий и подпольный опыт методами и приемами, заимствованными у организованного криминала.

Особую активность демонстрировали украинские и прибалтийские националисты, прибывавшие в ГУЛАГ сплоченными и компактными группами, преисполненные боевого духа, объединенные простой, порой вульгарной и примитивной, но сильной и жизнеспособной национальной идеей. В 1946 г. гулаговские оперативники отмечали своеобразный повстанческо-побеговый порыв заключенных националистов, содержащихся на Украине. Из 100 тыс. заключенных украинских исправительно-трудовых лагерей (ИТЛ) и колоний 30 тыс. (данные на 1 января 1946 г.) составляли "особо опасные, подавляющее большинство которых осуждено за измену Родине, антисоветский заговор, террор, повстанчество и бандитизм". Именно из этой среды выделялись организаторы и руководители особо дерзких групповых побегов [ГА РФ², д. 2531, л. 60]. В таких условиях гулаговское начальство было вынуждено пойти на своеобразную ротацию – заменить бандеровцев, отправленных малыми партиями с Украины в традиционные гулаговские районы, "неопасными" уголовниками. В результате ГУЛАГ получил прилив свежей "протестной" крови. Началось создание лагерного националистического подполья, по отношению к которому привычные методы усмирения не работали.

На протяжении 1946–1947 гг. процесс самоорганизации новых политических заключенных и формирования глубокого лагерного подполья проходил латентную фазу. В ноябре 1947 г. руководство ГУЛАГа весьма резко высказалось о снижении качества работы по ликвидации "более серьезных вражеских группирований", ушедших в лагерях в "глубокое антисоветское подполье". Наибольшую тревогу вызывали "идеологическая обработка во враждебном духе окружающих", стремление восстановить "утраченные антисоветские организационные связи по воле", попытки "сколачивать

антисоветские организации и группы, подготавливая волюнтеры, вооруженные групповые и одиночные побеги", установить связь с иностранными посольствами [ГА РФ, д. 11, л. 87–88].

При всех обвинениях чекистов в адрес "контрреволюционной" части лагерного населения практические работники не могли не понимать, что в то время главная угроза для порядка управления исходила все-таки от особо опасных уголовных преступников. В августе 1947 г., по оценке руководителей ГУЛАГа, доля особо опасного элемента в лагерях составляла 40% от общей численности заключенных – 690,5 тыс. человек, осужденных за контрреволюционные преступления, бандитизм, убийства, разбой, побеги. Из них менее 93 тыс. считались самыми опасными – и это были не "контрреволюционеры", а осужденные за бандитизм, убийства, разбой и т.п. Именно эта, относительно немногочисленная категория заключенных, как отмечалось, "своим поведением и своими действиями... буквально терроризирует остальных заключенных, занимается избиением, грабежом, азартными играми на продукты и вещи других заключенных, спекулирует этими вещами и совершает издевательские действия по отношению к женщинам и честно отбывающим срок наказания заключенным". В ряде лагерей и колоний бандитизм принял просто "угрожающие размеры" [ГА РФ, д. 2536, л. 22–23].

Руководители ГУЛАГа чувствовали, что вверенный их попечению Архипелаг теряет управляемость, что криминальная активность оголтелых преступников, поделивших (не без участия лагерной администрации) лагерь и колонии на вотчины и домены, грозит не только режиму содержания и порядку в лагерных подразделениях, но и святая святых – "трудовому использованию контингентов". Именно тогда в прагматичном среднем звене гулаговского аппарата появилась идея радикального решения проблемы – организовать "специальные лагеря для содержания осужденных за бандитизм, убийство, вооруженный разбой и побеги" и даже (утопия!) "добиться в период 1947 года и первой половины 1948 года полного выполнения всех требований Инструкции по режиму содержания заключенных" [ГА РФ, д. 2536, л. 22–23].

Однако высшее руководство страны предпочло разумному и прагматичному полицейскому решению – решение политическое и, как впоследствии выяснилось, *опасное для самой власти*. В 1948 г. такие лагеря были созданы, но не для особо опасных уголовников, а для содержания наиболее активной и враждебной советскому режиму части *политических заключенных*. Это в конечном счете привело лишь к одному – к сокращению "атомизированной" части гулаговского социума и росту сопротивления официальной власти как в особых лагерях, так и в обычных ИТЛ.

На рубеже 1950-х гг.: "сучья война" и "рубилровка"

В конце 1940-х – начале 1950-х гг. в жизни лагерного сообщества произошли кардинальные изменения, приведшие ГУЛАГ сначала к кризису, а затем к распаду. Производственная нагрузка на сферу принудительного труда существенно возросла, а *эффективность системы снизилась*. Несколько миллионов немецких и японских военнопленных, более или менее добросовестно трудившихся в СССР в первые послевоенные годы, возвратились на родину. Новая вспышка политических репрессий, борьба с экономической преступностью и воровством методами государственного террора¹ привели к значительному увеличению численности заключенных, достигшей абсолютного максимума в 1950 г. Но среди новых контингентов, поступающих в ГУЛАГ по приговорам 1947–1948 гг., было много людей физически ослабленных, несовершеннолетних, а также женщин и стариков, не составлявших полноценной замены нескольким миллионам во-

¹ См. Указы Президиума Верховного Совета СССР "Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества" и "Об усилении охраны личной собственности граждан" от 4 июня 1947 г.

еннопленных. Демографические ресурсы страны, истощенной войной, репрессиями и голодом 1947 г. не давали возможности поднять численность работоспособного гулаговского населения выше 1,5 млн человек – это оголило бы гражданский сектор советской экономики, но не дало бы никакого эффекта.

Важные последствия для всего ГУЛАГа имела отмена в мае 1947 г. смертной казни. Не обсуждая проблему в целом, отмечу, что указ предусматривал применение наказания в виде 25 лет лишения свободы для лиц, совершивших преступления, караемые по действующим уголовным кодексам союзных республик смертной казнью (статья 2). На практике расширительное применение этой статьи привело к тому, что в ИТЛ и колониях ГУЛАГа возникла большая прослойка заключенных, осужденных на 25 и более лет и воспринимавших свой новый статус как пожизненное заключение. Боязнь нового уголовного преследования у *двадцатипятилетников* исчезла, а поведение этой категории заключенных выпало из сферы правового воздействия. Их уже не сдерживал страх более строгого приговора, а постоянная готовность к выступлениям против режима содержания и порядка управления лагерями была ограничена лишь боязнью ответного "беспредела" со стороны лагерной администрации либо других заключенных.

Бандиты и рецидивисты с необыкновенной легкостью совершали убийства в зоне. Например, чтобы избежать выхода на работы, особенно в зимнее время, в морозы, они "немедленно после выдачи им производственного инструмента совершали убийства совместно работающих заключенных". Такие бандиты, по сведениям ГУЛАГа, заявляли: "Кого-то надо убить, не хочется зимой ходить на работу. Пока зима, посижу в следственном изоляторе, а летом (время побегов из рабочих зон. – В.К.) можно выходить на работу". Иногда убийства носили открытый, подчеркнуто демонстративный характер – убийцы пили кровь своих жертв (в прямом смысле этого слова), отрубали головы и расчленили тела. В своих показаниях бандиты открыто заявляли, что убийства в лагере происходят потому, что если двадцатипятилетник убивает того или иного заключенного или вольнонаемного, то он получает те же 25 лет, а не расстрел, как это было несколько лет назад [ГА РФ¹, д. 14, л. 311].

Двадцатипятилетники стали мощной ударной силой организованных преступных группировок заключенных. Справиться с этим новым массовым явлением лагерной жизни было почти невозможно, даже полностью изолировав этот специфической контингент от остальной массы. Элита уголовного мира с легкостью размножалась. Лагерную молодежь подталкивали к совершению убийств и других опасных преступлений, увлекая соблазнами более удобных условий отсидки, более высокого статуса в лагерной иерархии, либо заставляли брать на себя чужие преступления под страхом смерти. В новой ситуации пошатнулись позиции тех, кто сотрудничал с администрацией, выступал в ролях информаторов, дополнительных надсмотрщиков и палачей. Они оказались под ударами новых и окрепших старых групп и группировок – криминальных, этнических и этнополитических. Внутренняя жизнь лагерного населения, в каком-то смысле предоставленного администрациями ИТЛ и колоний самому себе, а точнее говоря, отданного на откуп господствующим лагерным группировкам, начала претерпевать кардинальные изменения.

В конце 1940-х гг. лагерные администрации столкнулись с растущим недовольством высшего московского начальства сложившейся практикой, чреватой снижением производственного потенциала ГУЛАГа. В конце 1949 г. ГУЛАГ МВД указал на сложность накопившихся проблем, признав, что большинство бандитских проявлений и убийств, оказывается (!) совершается «под видом взаимной борьбы между уголовными рецидивистами, якобы отошедшими от "воровских законов", так называемыми "суками", и рецидивистами, открыто придерживающимися "воровских законов", так называемыми "законниками". Установлено, что как та, так и другая категория рецидивистов стремится вести в лагерях паразитический образ жизни, терроризируя остальных заключенных и занимаясь ограблением их, избиваниями и другими насильственными действиями вплоть до убийств» [ГА РФ¹, д. 14, л. 311].

Привлечение "отошедших" к управлению лагерями было объявлено "ошибочным и вредным для дела исправительно-трудового перевоспитания преступников". Попытки использовать "сук" для улучшения дисциплины и повышения производительности труда заключенных руководство признало безнадежными. Лагерные администрации обвинили в попустительстве, в искусственном создании "внешнего благополучия", поскольку "отсутствие жалоб и заявлений является результатом терроризирования заключенных со стороны уголовно-преступных рецидивистов". Паразитическое и преступное существование "сук" в лагерях было названо одной из причин "ослабления физического состояния заключенных", то есть ударом по производственным функциям Архипелага. "Прозрение" оформили как строгую рекомендацию лагерным оперативникам – не относиться к "отошедшим" "с большим доверием, чем к другим заключенным". Использовать "сук" в роли низовой лагерной администрации было формально запрещено [ГА РФ^д, д. 14, л. 311–314].

Но запоздалый диагноз и консервативная терапия уже не могли помочь в лечении болезни, смертельной для ГУЛАГа. В ИТЛ и колониях всюду шла борьба за власть над зоной, принимавшая все более массовые и кровавые формы². Криминальные сообщества, возникшие в ГУЛАГе не просто при попустительстве, а при активном участии лагерного начальства, соблазненного перспективой избавления от множества обременительных, а порой и опасных обязанностей, а затем вышедшие из-под контроля, были ближе к заключенным и во многих ситуациях страшнее, чем "кум". У них была реальная власть, они умело использовали механизмы круговой поруки, основанные на терроре. Угрозами и насилием они заставляли других заключенных идти на убийства или брать на себя ответственность за них, оставаясь в тени.

Объявление "сук" *persona non grata* не решило и не могло решить проблем ГУЛАГа. Лишение одной из воровских группировок режима наибольшего благоприятствования привело только к тому, что "законники" подняли голову и вступили в жестокую и кровавую борьбу с "отошедшими" за власть в зоне. В этой борьбе они иногда пользовались поддержкой "положительного контингента", обещая ему избавление от "сучьего" террора, а в действительности создавая лишь новую форму *лагерной дедовщины*. Описывая в сентябре 1952 г. порочный круг организованной лагерной преступности, начальник ГУЛАГа отмечал: Уголовники-рецидивисты в целях захвата главенствующей роли в подразделении организуются в группы и ведут борьбу между собой за захват низовых административно-производственных должностей. Лагерная администрация в целях прекращения этой борьбы выводит из подразделения одну группу, а вторую оставляет без соответствующего надзора, участники которой без особого труда захватывают власть в подразделении и творят свои преступные дела" [ГА РФ^д, д. 24, л. 43].

Организованные преступные группировки имели свою систему связи между лагерными подразделениями и колоннами, предварительно обсуждали планы своих действий, намечали кандидатуры жертв. Принадлежность к группе обеспечивала поддержку в зоне. Взамен требовалось одно – абсолютная дисциплина и полное подчинение старшему в иерархии. Криминальные группировки наводили страх не только на "работающий контингент". Их побаивались даже оперуполномоченные. Помимо прямого террора в отношении отдельных представителей лагерной администрации, инструментом воздействия уголовных сообществ на администрацию лагерей стала организация волынок, бунтов, массовых неповиновений и отказов от работы. "Законники" доказывали, что только их содействие может обеспечить порядок в зоне. В ряде случаев спровоцированные уголовными авторитетами волынки и беспорядки были формой борьбы за феодальный порядок в лагерях, ультимативным требованием к "сюзерену" (администрации) выделить каждой группировке свой "домен" [ГА РФ^д, д. 9, л. 37].

² Например, в столкновении враждующих заключенных в Ванинском ИТЛ с обеих сторон участвовало более 1400 человек [ГАРФ^д, д. 103, л. 74–78].

В первые месяцы 1951 г. руководство ГУЛАГа констатировало резкое увеличение числа случаев организованного сопротивления лагерной администрации (Каргопольлаг, Ивдельлаг, Краслаг, Сахалинлаг и др.), убийств лагерных работников (или попыток к ним), избиений надзирателей. Одновременно были зафиксированы случаи разложения целых лагерей, их своеобразная "оккупация" криминальными группировками. Администрация одного из ИТЛ настолько потеряла контроль над ситуацией, что даже не пыталась выполнять приказы, распоряжения и директивы МВД по режиму. Бандитами в лагере было уничтожено около трех десятков заключенных, многие получили тяжелые увечья и травмы. Расконвоированные заключенные грабили окружающее население, занимались разбоями и хулиганством. В зонах "уголовно-бандитствующий элемент грабит, отбирает, запугивает, терроризирует, не дает возможности заключенным честным трудом искупить свою вину". Администрация лагерных пунктов просто боялась заходить в зону [ГА РФ^в, д. 1494, л. 19].

Сбой в управлении лагерями в начале 1951 г. руководство ГУЛАГа объясняло неудачной реорганизацией управления, ответственного за оперативную работу, совпавшим с притоком в лагеря особо опасных преступников, активно сопротивлявшихся лагерной администрации. Однако главная причина таилась все-таки в том, что, объявив об отказе сотрудничать с "отошедшими", ГУЛАГ так и не сумел найти альтернативы лагерной дедовщине как инструменту управления лагерями. Вместо одних авторитетов приходили другие, но способы управления не менялись. В свою очередь, требования руководства МВД очистить низовые лагерные должности (нарядчиков, бригадиров) от матерых бандитов, неоднократно судимых за убийства и грабежи, натолкнулись на "недостаточную настойчивость" (тихий саботаж!) руководства лагерей [ГА РФ^г, д. 112, л. 140]. Без уголовного авторитета бригадирам и нарядчикам на зоне делать было нечего, разве что исполнять указания криминальной элиты, но не лагерного начальства.

События показали, что "вдохновители и организаторы бандитских проявлений" легко уходят от ответственности. Пока администрация увлеченно занималась "массовыми изъятиями" рядовых исполнителей, руководители оставались в лагерях и продолжали "вновь группировать вокруг себя наиболее отрицательный элемент". Поэтому при переполненных тюрьмах и специальных лагерных подразделениях бандитизм и убийства в ряде лагерей не прекращались. Больше того, развязанный террор явно достиг поставленных целей. Бандиты не только периодически получали почти полный контроль над лагерным населением, но и порождали "неорганизованность, растерянность и даже трусость со стороны руководителей и офицерского состава в подавлении разного рода бандитских выступлений и стремление их к вывозу в другие лагеря заключенных, осужденных за бандитизм, грабеж и разбой" [ГА РФ^а, д. 20, л. 128–133].

Казалось бы, из тупика был простой выход. Разделить заключенных по видам режима в зависимости от тяжести совершенного преступления, рецидива, принадлежности к преступным группировкам, изолировать "положительный контингент" и молодежь от рецидивистов. Однако в течение нескольких лет попытки сделать эти простейшие и очевидные шаги по наведению порядка в ИТЛ и колониях имели лишь ограниченный успех. Они каждый раз упирались в категорический императив *производственной необходимости*. Производственные управления МВД, ответственные за трудоустройство заключенных и выполнение производственных планов легко нарушали инструкции о порядке содержания заключенных, но не очень охотно отвлекали силы и средства на строительство подразделений строгого режима и штрафных изоляторов.

Катастрофическую вспышку лагерной преступности начала 1951 г. в конечном счете удалось локализовать. В 48 неблагополучных лагерей были направлены специальные комиссии. В короткие сроки построили 194 штрафных изолятора, организовали 37 штрафных лагерных пунктов, 191 лагерный пункт усиленного режима и 259 специальных женских подразделений. 12 тыс. злостных нарушителей режима перевели в тюрьмы, а 25 тыс. – в спецлагподразделения строгого режима. В результате численность заключенных в этих подразделениях увеличилась почти в два раза. Более трети

заклученных, осужденных за контрреволюционные преступления, но не попавших в особые лагеря, оказались в "специальных изолированных друг от друга подразделениях усиленного режима". Туда же направили половину представителей "бандитствующего элемента" (70 тыс. человек). Но и в конце 1951 г. 135 тыс. "политических" и 91 тыс. осужденных за бандитизм содержались вместе с другими заключенными. В 1952 г. их число сократилось до 118 тыс. человек. Это означало, что опасность повторения кризиса сохранялась. Средств на организацию специальных лагерных подразделений не хватало, а производственные главки МВД по-прежнему строили и ремонтировали зоны усиленного режима без всякого энтузиазма и в последнюю очередь [ГА РФ^г, д. 506, л. 179–188].

Волевого импульса высшей полицейской бюрократии хватило ненадолго. Противоречия между пенитенциарной и производственной функциями систем принудительного труда способствовали воспроизводству проблем лагерной преступности и лагерного бандитизма. В ретроспективном анализе Главного управления исправительно-трудовых колоний МВД СССР (августа 1958 г.) отмечалось, что в описываемый период почти во всех ИТЛ были подразделения, где "орудовали преступные группировки и банды. Столкновения этих банд приводили к многочисленным человеческим жертвам". Массовых неповиновений и беспорядков, происходивших "на почве вражды между уголовными воровскими группировками... было много, и их характер в то время отличался особой дерзостью" [ГА РФ^л, д. 103, л. 75–76]³.

Даже при общем улучшении оперативной обстановки в 1952 г. лагеря лесной, горно-металлургической промышленности, железнодорожного строительства и Дальстроя, где были сконцентрированы особо опасные контингенты и где по производственным соображениям постоянно "перемешивались" различные категории заключенных, так и остались "неблагополучными по допуску количества бандитских проявлений" [ГА РФ^л, д. 24, л. 30]. Отраслевые управления продолжали называть причиной производственных потерь вражду группировок заключенных. Начальники лагерей жаловались, что "к нам в последнее время поступает в основном окончательно испортившийся и неисправимый уголовный контингент" и боялись, что "далее будут поступать такие же" [ГА РФ^л, д. 9, л. 60–62].

Ни ГУЛАГ, ни МВД, ни даже сам товарищ Сталин не могли контролировать ни уровень и структуру уголовной преступности в стране, ни сложившийся в системе принудительного труда образ жизни нескольких миллионов людей. В бульоне "сучьей войны" и уголовного террора конца 1940-х – начала 1950-х гг. шел бурный процесс социального структурирования и самоорганизации заключенных. По частоте упоминания в документах вслед за "ворами" и "суками" шли этнические (этнополитические) группы и организации. Лидировали западные украинцы (украинские националисты, западники), "чечены" ("кавказцы", "мусульмане"), им несколько уступали литовцы, некоторые группировки полностью или частично состояли из бывших власовцев. Тенденцию к сплочению и самоорганизации в ИТЛ демонстрировали и "новые политические" из числа осужденных по статье 58-10 (антисоветская агитация). Официальные источники время от времени отмечали тягу лагерных "низов", в том числе осужденных за контрреволюционные преступления, к своеобразной кастовой солидарности и сплочению в борьбе с рэккетом и насилиями "отошедших" – события в Ванино (Дальстрой) в октябре 1949 г. [ГА РФ^б, д. 3203, л. 338].

В "сучьей войне" выделялись "кавказцы", вызвавшие столкновения с русскими заключенными в Черногорскстрое МВД в январе 1952 г. и при работах в котловане Куйбышевской ГЭС (Кунеевский ИТЛ) в марте 1952 г. Особенно активной и влиятельной группой политических заключенных стали украинские националисты. В отличие от

³ Статистика утешала только в одном отношении: к концу 1951 г. удалось немного ослабить вопиющие проявления лагерного террора. Открытые бандитские проявления по сравнению с 1950 г. снизились на 22,4%, резко сократилось количество убийств заключенных [ГА РФ^г, д. 326, л. 142–143].

"врагов народа" 1930-х гг. они были свободны от комплекса вины перед "родным советским государством", не ограничивали себя рамками лагерной легальности, обладали специфическими навыками существования в подполье, не останавливались перед убийствами, а главное – могли технически противостоять воровским группировкам, поскольку среди них были люди, осужденные за политический бандитизм. Деятельность украинских националистов фактически застала оперативников врасплох⁴. В справке руководства Песчаного ИТЛ отмечалось, что "оуновское подполье западных областей Украины устанавливает связь с семьями украинских националистов, бандитов и бандпособников, выселенных в отдаленные районы Советского Союза, путем тайнописи и зашифрованной переписки, направляемой через почту, а также посылкой в места спецпоселения специальных курьеров и связников". Через курьеров и агентуру среди спецпоселенцев-украинцев зарубежным центрам ОУН и бандеровцев удавалось связываться с лагерным подпольем и даже координировать деятельность подпольных групп и организаций. Оперативный отдел Песчаного ИТЛ считал, что "в качестве связников оуновско-бандеровского подполья между лаготделениями и с волей служит некоторая часть работников хозорганов, общающихся с заключенными по работе (шофера, технадзор и другие), а в ряде случаев деклассированный элемент, особенно, из женщин" [ГА РФ^д, д. 69, л. 52].

"Западники" не только принесли в ГУЛАГ методы подпольной борьбы, но и достаточно легко и органично восприняли опыт "паразитического выживания" криминальных группировок. В начале 1952 г. в Минеральном ИТЛ, где западные украинцы составляли большинство, их сплоченная группировка начала борьбу именно за "занятие в лагере привилегированного положения". К давно известной тактике захвата производственных постов и постов лагерной obsługi с помощью насилия и террора националисты добавили специфический "контрразведывательный" опыт, объявили террор по отношению к секретным осведомителям, тем, кто мог выступить свидетелем по уголовным делам. Эти действия в ряде случаев парализовали оперативно-чекистские аппараты. Старые агенты не приходили на явки, очевидцы убийств отказывались от показаний, а иногда просто не являлись на допросы, предпочитая дисциплинарное наказание смерти от рук националистов. "Западники" обычно отказывались идти на вербовку [ГА РФ^д, д. 30, л. 314, 303], либо «завербованные агенты, как жаловались оперативники, становились "двурушниками"» [ГА РФ^д, д. 69, л. 52–53] и сами совершали убийства агентов МВД и МГБ. В роли боевиков выступали заключенные оуновцы, приговоренные к 20–25 годам заключения, поскольку они "не боялись получать дополнительные сроки наказания" [ГА РФ^д, д. 32, л. 1–4].

Довольно быстро пройдя период адаптации и статусного самоутверждения в лагерях, освоив механику "паразитического выживания", украинские националисты могли позволить себе возвращение к формулированию политических целей, занятиям пропагандой и обучением новой смены. В конце 1951 г. в Дубравлаге ветераны подполья составляли рукописные листовки и прокламации с эпизодами из истории Украины. Они пытались организовать пропаганду и для украинцев – бойцов вооруженной охраны лагерей. Иногда (и небезуспешно) "проведением разложенческой работы среди конвоя" занимались заключенные-женщины. Попутно выяснялись настроения солдат, шел сбор необходимых сведений [ГА РФ^д, д. 30, л. 89].

Отношения украинских националистов с другими национальными группами складывались по-разному. Когда в 1952 г. группировка западных украинцев вела борьбу за власть и ресурсы в Камышлагге, она столкнулась с объединенным сопротивлением

⁴ Руководство Песчаного ИТЛ, где большую часть заключенных составляли бывшие участники ОУН ("Организации украинских националистов"), в июне 1952 г. признавало грубые оперативные ошибки, возникшие "благодаря незнанию, иногда беззаботности к изучению исторического корня оуновско-бандеровских формирований (так в документе. – В.К.), их структуры, тактики и методов работы по борьбе с советской властью, как на воле, так и в условиях лагерей", и пыталось сделать из этого выводы [ГА РФ^д, д. 69, л. 43–55].

"чечен" и "сух", оказавшихся в это время в меньшинстве. Судя по несколько невнятным сообщениям, "западники" попытались расколоть противников, постаравшись взять чеченцев "под свое влияние" [ГА РФ^д, д. 31, л. 23]. Известны конфликты западных украинцев с прибалтийскими группировками⁵. Но в конце 1952 г. в Дальнем лагере литовская группировка "действовала по указанию" бывших бандеровцев и согласовывала с ними убийство заключенного эстонца из лагерной obsługi [ГА РФ^д, д. 62, л. 22]. В конце 1951 г. некоторые признаки возможной консолидации западных украинцев и прибалтов были отмечены в Речлаге [ГА РФ^д, д. 31, л. 10].

Иногда попытки бескровно разделить сферы влияния и договориться полюбовно заканчивались безрезультатно, и борьба за власть приводила к столкновениям и убийствам. В октябре 1951 г. в Речной лагерь из Песчаного лагеря прибыли две враждовавшие группировки – западных украинцев, "осужденных за оуновскую деятельность и участие в бандах УПА", и "чечен" («к которой примкнули заключенные азиатской и кавказской национальности, в свое время обиженные заключенными "бандеровцами"»). Обе группы стремились расставить "своих" людей на низовых административно-хозяйственных должностях в лагере. Вскоре выяснилось, что обе стороны признают лишь одну форму компромисса – безоговорочные уступки конкурента. В результате конфликт привел к кровавому столкновению. Руководитель "чеченской" группировки и его телохранитель были убиты. "Чечены", выполняя предсмертное желание вожака, «чтобы рядом с моим трупом лежало 20 трупов "бандеровцев"», совершили ряд ответных убийств [ГА РФ^д, д. 31, л. 12, 14].

В позиции и поведении группировок украинских националистов в лагерях прослеживалось сочетание двух мобилизующих факторов – "ненависть к Советской власти" и ненависть "вообще к русской национальности". Последнее могло сопровождаться тем, что "западники" "старались приносить в жертву русских" (Минеральный лагерь, март 1952 г.), а в образе врага соединяли "русских, чекистов и секретное осведомление" (ГА РФ^д, д. 32, л. 1–4; д. 30, л. 311]. Враждебное отношение к русским могло при определенных условиях объединять обычно враждебные этнические группы. Например, летом 1952 г. в Песчаном лагере отмечалось появление "группировки из числа заключенных кавказских и восточных национальностей, поддерживающих тесную связь с бандеровцами, враждебно относящимися к русским" [ГА РФ^д, д. 34, л. 61–64].

Оперативники Минерального ИТЛ отмечали, что острие борьбы бывших оуновцев, составлявших до 60% населения лагеря, было направлено только против привилегированных "заключенных русской и других национальностей, используемых на работах в качестве лагерной администрации". В свою очередь, русские заключенные отмечали, что украинцы все-таки разбираются, кого убивать; что их террор направлен против стукачей. Есть сведения о том, что украинские националисты вели "рубилровку" таким образом, чтобы отвести подозрения в огульном антирусском терроре. В марте 1952 г. из Минерального лагеря сообщали, что убийствам заключенных сопутствовало "распространение лживых слухов и всякого рода надписей", имевших целью создание "общего мнения" о них как о "негодях и приближенных к администрации лагеря". Лишь после такой подготовки совершалось убийство намеченной жертвы [ГА РФ^д, д. 32, л. 1–4].

Отношения группировок заключенных в ГУЛАГе в известном смысле походили на отношения недружественных держав. Национализм не мешал обоюдодовыгодным компромиссам. Абсолютных этнических границ не существовало в принципе, а взаимные пересечения и союзы вполне могли возникать не только на этнической, антирусской, но и на политической, антисоветской почве. Когда в особом лагере № 5 (Береговой) в конце 1951 г. была раскрыта группа, готовившая групповой вооруженный побег, ее руководителем оказался русский, осужденный за измену Родине на 25 лет, а среди его

⁵ В середине 1952 г. в Дубравлаге среди больных туберкулезом сформировались "две враждебные друг другу группы": уголовники, "преимущественно украинской национальности" и эстонцы и латыши, сплотившиеся "для обороны".

поделщиков – член подпольной организации украинских националистов, "готовившей вооруженное восстание в случае нападения США на СССР" [ГА РФ⁴, д. 30, л. 89]. В Степном лагере существовала бандитская группа, состоявшая из белорусско-украинских националистов, к которым примыкала группа заключенных из числа восточных украинцев и русских" [ГА РФ⁴, д. 36, л. 89].

Весной 1952 г. в Дубровлаге были отмечены попытки координировать действия русских и украинских политических заключенных. Авторитетный заключенный (русский), "осужденный к 10 годам ИТЛ" пытался договориться с "западниками" о создании специальной группы для "систематического сообщения за пределы лагеря о положении заключенных", чтобы «помочь гражданам других стран распознать нашего "волка" и не дать им... быть обманутыми». К этому он добавил: «Нужна такая группа, которая в состоянии была бы при необходимости организовать и террор, а также учесть и концентрировать силы. Вот хотя бы для усмирения "стукачей" нужны люди, которые бы ночью убивали их при необходимости...». "Контрреволюционный авторитет" предлагал украинцам выдвинуть руководителя подобной группы [ГА РФ⁴, д. 30, л. 311–312].

* * *

Внешние формы организованной борьбы группировок за власть, ресурсы и контроль над зоной (а это, по определению А. Солженицына, была "сучья война" в ИТЛ и особлаговская "рубиловка" – уничтожение стукачей и неудобных "придурков" из числа заключенных) воспринимались лагерным начальством прежде всего как рост бандпроявлений. По мнению Солженицына, коммунистический режим сознательно и лицемерно смешивал в одну кучу "лагерный бандитизм" – войну с "суками" – и "рубиловку". Если иметь в виду специфическую направленность "рубиловки" как удара по "стукачам", способ овладения лагерным социумом и создания условий для эффективной конспиративной деятельности, то Солженицын, безусловно, прав [Солженицын, 1989, с. 245].

Однако для гулаговских бюрократов это были однопорядковые явления. Они мешали управлять заключенными, выполнять производственные планы и даже таили прямую личную угрозу лагерным бюрократам. Кроме того, и в особых лагерях параллельно (или вместе) с "рубиловкой" шло нечто подобное "сучьей войне", то есть кровавые столкновения группировок в борьбе за ресурсы, контроль над зоной и хлебные должности в лагерной службе. В определенной степени эта война была связана со специфическим составом особых лагерей, которые, вопреки первоначальному плану, собрали в себе не только "политиков", в том числе осужденных за политический бандитизм, но и особо опасных уголовных преступников. Руководству ГУЛАГа не удалось создать непреодолимого барьера между ИТЛ и особыми лагерями, они порой имели не только общие объекты работы, но и общее начальство (Норильский ИТЛ и Горный особый лагерь), и поэтому не могли не болеть общими болезнями.

На рубеже 1950-х гг.: повстанчество и лагерное подполье

В 1948 г. ГУЛАГ захлестнула волна групповых вооруженных побегов⁶. Прокурор СССР Г. Сафонов подготовил докладные записки по этой теме практически всему высшему руководству страны, за исключением Сталина. Он предполагал информировать также ЦК КПСС (Г. Маленкова) и Совет министров СССР (Л. Берия). Судя по всему, информация была, в конце концов, направлена только Берии. Больше всего Сафонов беспокоило то, что "групповые вооруженные побеги, имевшие место в Воркутинском, Печорском и Обском лагерях, были организованным выступлением

⁶ Повышенная побеговая активность заключенных была отмечена в Грузинской, Карело-Финской и Украинской ССР, Калининградской области, Севкузбасслаге, Южкузбасслаге, Севостслаге, ИТЛ строительства № 505 МВД, ИТЛ Северного Управления ЖДС, Обьлаге, Печорлаге МВД [ГА РФ⁴, д. 12, л. 116].

особо опасных преступников, которые ставили перед собою задачу – освобождение других заключенных и уничтожение работников охраны и лагеря". Прокуратура рассматривала эти события как симптом того, что "в некоторых исправительно-трудовых лагерях и колониях и, особенно, в лагерях расположенных на Крайнем Севере, создалось крайне напряженное положение" [ГА РФ^а, д. 4548, л. 132–133]. Фактически, вооруженные побегі уже в то время рассматривались как возможная предпосылка широкомасштабных восстаний в ряде окраинных районов СССР.

Именно в таком качестве события лета 1948 г. вошли в устную гулаговскую традицию. В ряде случаев лагерная мифология неправомерно героизировала "восстания". На деле, например при побеге из Обского лагеря, группа в 19 человек, отделившаяся от основной массы, полностью уничтожила все население оленеводческого стойбища (42 человека, среди которых большинство были женщины и грудные дети) [ГА РФ^а, д. 4548, л. 132–133]. Если уничтожение взрослых еще можно было объяснить преступной "прагматикой" – полудикие оленеводы всегда были злейшими врагами беглецов, ибо за каждого убитого и сданного властям беглеца местные жители получали вознаграждение, то убийство грудных детей было, мягко говоря, избыточной и устрашающей жестокостью.

Острота ситуации была усилена воссозданием "политического ГУЛАГа" – в 1948 г. началась организация особых лагерей для содержания опасных государственных преступников. Именно с этим Солженицын, тонко чувствующий динамику лагерной жизни, связывает окончание "эпохи побегов" и начало "эпохи бунтов" [Солженицын, 1989, с. 235]. Это утверждение, как и любое другое общее суждение, можно оспорить. Но в планах и замыслах заговорщиков события этого времени действительно были своеобразным переходом от "побеговой" формы протестов к "бунтовщической". В марте 1949 г., то есть спустя год после организации особых лагерей, Первое управление ГУЛАГа МВД зафиксировало в этих лагерях уже не только активизацию "стремления заключенных к побегам" (побеговые настроения всегда охватывали эзков с приближением весны), не просто подготовку особо опасных побегов – групповых и вооруженных, но побегов, имевших относительно внятную политическую мотивацию – например, "с целью продолжения на воле активной борьбы против советской власти" [ГА РФ^а, д. 14, л. 71].

Окончательное вступление ГУЛАГа в "эпоху бунтов" следует связывать не только с фактом концентрации государственных преступников в особых лагерях. "Долгосрочникам" не приходилось рассчитывать ни на амнистию, ни на условно-досрочное освобождение. В этой ситуации взгляды заключенных были обращены к внешнему миру. Ожидание того дня, когда "холодная война" перерастет в горячую, было для многих, особенно идейных противников режима, *единственным лучом надежды*. После начала войны в Корее в 1950 г. эти индивидуальные надежды стали одной из *социально-психологических доминант* антисоветского "особого" ГУЛАГа.

Ожиданию "светлого праздника освобождения извне" сопутствовало широкое распространение повстанческих настроений. Практические выводы из международной обстановки прежде всего сделали украинские и (в меньшей степени, если судить по оперативным донесениям) литовские националисты. В 1951–1952 гг. среди украинцев-каторжан вовсю шли разговоры о кровавой мести коммунистам. Наиболее активная и решительная часть заключенных не только уповала на американцев, которые "придут и освободят нас из лагерей", но и призывала "поднять восстание в первые дни войны, чтобы самим освободиться из лагеря". "В район Воркуты, – говорили они, – достаточно выбросить один десант, а здесь в лагере мы должны быть готовы и в любую минуту двинуть лавину заключенных и каторжан на большевиков и стереть их с лица земли" (Речлаг) [ГА РФ^а, д. 35, л. 15, 17–18]. В Дубравном лагере украинские националисты также распространяли "антисоветские провокационные слухи о близости войны англо-американского блока с Советским Союзом" [ГА РФ^а, д. 30, л. 89]. Появлялись рукописные листовки "антисоветско-повстанческого содержания" с призывами "к вооруженному восстанию заключенных", объединению в боевые группы "для воору-

женного выступления и самоосвобождения", для борьбы "совместно с американцами против советской власти" (обращение к солдатам и офицерам охраны) [ГА РФ^л, д. 27, л. 41, 60, 95; ГА РФ^г, д. 112, л. 143–144].

Агентурная информация, поступающая из особых лагерей после начала войны в Корею, показывала, что подпольные группы заключенных и их руководители при благоприятных внешних условиях внутренне готовы к восстанию, что подпольная анти-советская деятельность, например, заключенных украинских националистов может органично перерасти в подготовку восстания. На этот случай они запасались холодным оружием и изготавливали самодельные гранаты, сознательно распространяли слухи о скором нападении США через Берингов пролив. Под разговоры о том, что "все заключенные особого лагеря в начале войны будут советскими властями расстреляны", шла пропаганда подготовки «к вооруженной "самообороне"» (Береговой лагерь) [ГА РФ^л, д. 30, л. 89]. Следует заметить, что подобные слухи и настроения были постоянным фоном жизни особых лагерей, той социально-психологической реальностью, которой они жили, даже если в тот или иной момент времени в лагере вообще не было никаких следов деятельности подпольных организаций.

Но "большая война" откладывалась. Среди радикальной части западноукраинского подполья можно было услышать: "Мы сами должны возглавить борьбу и соединившись с вольными и заключенными других лагерей поднять восстание..." [ГА РФ^л, д. 30, л. 245]. Опираясь на известный опыт и лагерную мифологию успешных вооруженных выступлений, некоторые заключенные мечтали о побеге-восстании: "собрать человек 15 хороших ребят, готовых отдать свою жизнь за хорошее дело. Напасть на конвой, забрать оружие, а затем поочередно напасть на войсковые подразделения и в один день освободить лагеря...". В том же Береговом лагере побеговые настроения, как сообщали агентура и члены "бригад содействия", высказывали и другие заключенные, "особенно бывшие участники банд УПА и ОУН"⁷ [ГА РФ^л, д. 59, л. 73].

Учитывая, что подготовка группового побега невозможна без внутренней самоорганизации, возникновение побеговых групп среди политических заключенных неизбежно сопровождалось обсуждением не только практических, но и политических вопросов. Из контекста подобных обсуждений лагерные оперативники могли легко заключить, что подготовка побега есть реакция сугубо ситуативная. При более благоприятных внешних условиях (начало войны с США и их союзниками, техническая возможность ухода за границу) участники группы могут пойти на организацию мятежа.

Весной 1952 г. повстанческие настроения и действия были отмечены в Камышовом лагере, где бывшие члены ОУН, УПА и бандеровцы активно готовились к организации в лагере массовых беспорядков, нападению на охрану и освобождению из лагеря. Для этого западноукраинское подполье обладало достаточно разветвленной структурой. Был создан штаб, в который входили "служба безопасности", "служба техники", боевые группы и группы исполнителей террористических актов, политического воспитания и материального обеспечения. "Служба безопасности" была связана со старшими бараков и дневальными, вела систематическое наблюдение за заключенными, выявляла среди них секретных сотрудников МВД и МГБ "с целью их убийства". Заключенных, посещающих лагерную администрацию или вызываемых для допросов и опознаний, оуновцы запугивали, терроризировали и подвергали пыткам. Штабу через вольных работников удалось наладить нелегальную связь со ссыльными западными украинцами, проживавшими в ряде городов Кемеровской области [ГА РФ^б, д. 311]⁸.

⁷ УПА – Украинская повстанческая армия, ОУН – Организация украинских националистов.

⁸ При этом ГУЛАГ уже настолько запутался в организационных перестройках, что Управлению Камышового лагеря было отдано приказание заняться своим делом (охраной, бытом и трудопользованием заключенных), поскольку "чекистским обслуживанием контингента" должен был заниматься не подчинявшийся на ГУЛАГу, ни МВД отдел МГБ СССР.

Аналогичная информация поступила в июне 1952 г. из Песчаного ИТЛ. Там подпольная бандеровская группа, возглавляемая заключенными, имевшими "большой опыт по руководству украинскими националистами на воле", также создала руководящий центр и группы агитации, разведки и снабжения. Членов организации, дававших присягу и беспрекословно соблюдавших дисциплину, ориентировали не только на выявление и уничтожение агентуры МВД и МГБ, организацию вооруженных побегов с разоружением охраны, установление связи с националистическим подпольем на территории СССР и за кордоном. Стратегическая задача состояла в том, чтобы оторвать лагерное население от влияния администрации, идеологически и тактически подготовить его "для повстанческого выступления в удобном случае" [ГА РФ^д, д. 69, л. 52–53].

Новые стратегические цели, вытекавшие из надежды на втягивание СССР в третью мировую войну, сопровождались и изменениями в тактике заключенных. Подпольная группировка, прибывшая в поздней осенью 1951 г. в Камышевлаг с этапом штрафников из Песчаного ИТЛ, не только немедленно начала обычную борьбу за власть и подготовку "рубилочки", но и стала инициатором одного из первых демонстративных и политически окрашенных протестных выступлений "западников". Беспорядки, начавшиеся "с массового пения националистических песен", вылились в организованное сопротивление целого барака службе надзора – "препятствование" водворению в изолятор трех заключенных, у которых обнаружили ножи [ГА РФ^д, д. 31, л. 11].

С начала 1952 г. оперативная информация начинает походить на хронику боевых действий. На фоне непрекращавшихся столкновений группировок заключенных, дестабилизировавших и без того напряженную обстановку в лагерях, начались прямые протестные выступления лагерного населения. 19 января 1952 г. все в том же Камышевлаге произошла "волянка и вооруженное нападение на надзорсостав". При попытке "изъятия" и водворения в карцер заключенного, наказанного "за дерзость и обман начальника лаготделения", 30 заключенных набросились на надзирателей с выломанными из нар досками. Массовые беспорядки удалось прекратить. Заключенных выгнали к воротам лагпункта, положили на снег и избili [ГА РФ^д, д. 31, л. 49].

22 января 1952 г. Экибастузском лагерном отделении Песчаного ИТЛ заключенными оуновцами на фоне массовых убийств заключенных, заподозренных в связях с администрацией, МВД и МГБ, была организована массовая "волянка", сопровождавшаяся антисоветскими выкриками и требованиями ослабления режима для особого контингента. Волну убийств удалось остановить только 18 марта, да и то после вывоза в другие лаготделения и лагеря 1200 человек "более активного уголовно-бандитствующего элемента". 18 марта в 1 лаготделение Горного ИТЛ произошло "разоружение конвоя с намерением поднять вооруженное восстание в Норильске" [ГА РФ^д, д. 34, л. 74, 22–23; д. 28, л. 10–11].

Процесс консолидации заключенных коснулся не только "западников" и особых лагерей. 5 февраля 1952 г. часть заключенных Воркуто-Печорского ИТЛ при переводе их в другой барак оказала сопротивление лагерной администрации, разобрав печь и нары и забросав охранников кирпичами и досками. После их усмирения 450 заключенных объявили голодовку в знак протеста против "необоснованного водворения их на строгий режим и грубого обращения с ними лагерной администрации". 3 сентября 1952 г. аналогичные события, хотя и не столь массовые, произошли в Дальнем лагере. В знак протеста против несправедливого водворения в штрафной барак 64 заключенных, осужденных за контрреволюционные преступления, отказались от приема пищи и выхода на работу [ГА РФ^д, д. 26, л. 39, л. 1].

В январе 1953 г. в спецзоне ОЛП № 21 Вятлага попытка "изъятия" шестерых штрафников привела к массовому столкновению заключенных с надзирателями и охраной. За этим, на первый взгляд, вполне заурядным маленьким бунтом в действительности стояли новые явления и процессы. Выяснилось, что организаторами выступления были "бывшие подполковники Советской Армии". У одного из них, осужденного "за расхищение социалистической собственности на 25 лет ИТЛ", обнаружили рукописный текст Евангелия и стихотворение с призывом "с оружием в руках бороться против красной

сатаны". Во время волнений он призывал заключенных "лучше умереть стоя, чем жить на коленях". Другой, осужденный на 10 лет за дезертирство из воинской части и подделку отпускного удостоверения, а уже в лагере – за побег с разоружением охраны на 25 лет, до беспорядков, "не стеснясь в выражениях", писал от имени заключенных "в центральные органы заявления, что лагерная администрация их грабит, избивает и т.д." [ГА РФ⁶, д. 4109, л. 155–163].

Было выяснено, что влияние двух "бывших подполковников" на зоне было прямо связано с озлоблением заключенных, порожденным "порочной дисциплинарной практикой и грубыми нарушениями социалистической законности" (при обходе бараков ээки в один голос жаловались на жестокость и насилие со стороны офицеров из лагерной администрации, на которых, собственно, и было совершено нападение). Предлагалось издать специальный приказ о недопустимости произвола и необходимости соблюдения социалистической законности в местах заключения [ГА РФ⁶, д. 4109, л. 155–163]. Это один из первых известных нам документов, в котором массовые беспорядки заключенных рассмотрены в таком необычном для сталинского ГУЛАГа контексте – скорее хрущевском, чем сталинском – и с применением терминологии, которой еще только предстояло войти в моду. В каком-то смысле, речь шла об исчерпании ГУЛАГом сталинского "потенциала покорности". Но не только об этом. Сталинский ГУЛАГ в том виде, как он сложился во время и после войны, уже исчерпал свои возможности.

"Прошло то время, – делился со своими подчиненными тогдашний министр МВД С. Круглов, – когда было достаточно построить железную дорогу, положить рельсы, чтобы иметь положительную оценку работы. А теперь мы должны построить комбинат, сами должны его укомплектовать и выпускать продукцию. Появились сложные механизмы, поэтому у нас повысился спрос на специалистов, в том числе из числа заключенных. Заключенные сейчас работают в промышленном производстве, в различных хозяйствах, а это значит, что уровень организации производства должен быть значительно выше. Отдельные лагеря строят целые заводы. А разве такой лагерь, как Черногорский, может построить завод? Естественно, нет. Раз для руководителей этого лагеря устранение уголовного бандитизма является сложным делом, то где им построить силами таких заключенных завод... Мы силами заключенных все оборонные стройки ведем – и надземные и подземные. Если развалим лагерь – с кем же будем работать?" За пассажами об отсутствии порядка в лагерях последовали упреки: "Каждое утро приходишь на работу и начинаешь читать шифровки и сообщения: в одном месте – побег, в другом – драка, в третьем – волюнка. Вы думаете, что в этом нет ничего особенного, а это приводит к дезорганизации работы Министерства" [ГА РФ⁶, д. 4109, л. 155–163].

В конечном счете Круглов зафиксировал и почти сформулировал главную проблему ГУЛАГа – его конфликт с новой социально-экономической ситуацией в стране. Парадоксальным образом ГУЛАГ как производственный институт был заинтересован в том, чтобы в лагерь попадало как можно больше "нормальных людей", судимых по жестоким сталинским законам за незначительные преступления и готовых "трудиться на благо Родины" с перспективой поскорее выйти на волю. Однако, пропустив через себя миллионы людей и став рассадником уголовной преступности, ГУЛАГ оброс "бандитствующими" паразитами, заболел "двоевластием". Мало того, он, как оказалось, не сумел даже в особых лагерях "переварить" участников антисоветского сопротивления.

Невиданный ранее размах волюнок, забастовок, протестов и массовых беспорядков, как вспыхивавших стихийно, так и организованных уголовными, этническими (этнополитическими) и политическими элитами ГУЛАГа, не позволял выполнять правительственные задания. Круглов не утруждал себя вопросами о том, кто, как и почему противостоит полицейской власти в лагерях. Для него все заключенные были самыми отъявленными подонками, отбросами человеческого общества, рецидивистами. Но в одном он был прав. Заключенные ГУЛАГа сознательно или бессознательно начали перехо-

дить из рядов отказчиков и пассивных саботажников на сторону тех, кто активно боролся с Советской властью.

* * *

К началу 1950-х гг. в лагерях выросли мощные, влиятельные, очень разнородные, обычно враждебные друг другу сообщества, группы и группировки. Они владели техникой контроля и манипулирования поведением "положительным контингентом". В большинстве своем эти силы не стремились к объединению, не ставили, за редкими исключениями, далеко идущих целей, просто хотели жить и выжить в лагерях любой ценой. Ради этого они вели постоянную и кровопролитную борьбу друг с другом и с лагерной администрацией. Но даже такие разно направленные удары отламывали куски и кусочки от ужасного памятника уходящей эпохи – сталинского ГУЛАГа. "Если мы не установим твердого порядка, мы потеряем власть", – резюмировал свое выступление министр Круглов [ГА РФ^б, д. 4109, л. 163]. До смерти Сталина оставался еще целый год.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ^а). Ф.Р.-8131.
Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ^б). Ф.Р.-9401. Оп. 1.
Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ^в). Ф.Р.-9407.
Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ^г). Ф.Р.-9414. Оп. 1.
Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ^д). Ф.Р.-9414. Оп. 8.
Солженицын А.И. Архипелаг ГУЛАГ. 1918–1956. Опыт художественного исследования. Т. 3. М., 1989.

© В. Козлов, 2004